

Российская академия наук
Институт лингвистических исследований

АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ РУСАКОВ
АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ СОБОЛЕВ

**СУБСТАНЦИАЛЬНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ
ТЕОРИЯ
БАЛКАНСКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЮЗА
И СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ**

Доклад

XIV МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ
(Охрид, Македония, 10–16 сентября 2008 г.)

Санкт-Петербург
Наука
2008

Russian Academy of Sciences
Institute for Linguistic Studies

ALEXANDER YU. RUSAKOV
ANDREY N. SOBOLEV

**SUBSTANTIONAL AND FUNCTIONAL
THEORY
OF BALKAN SPRACHBUND
AND SLAVONIC LANGUAGES**

Congress paper

XIV INTERNATIONAL CONGRESS OF SLAVISTS
(10–16 september 2008, Ohrid, Macedonia)

Saint Petersburg
Nauka
2008

УДК 81
ББК 81.2
Р88

Р88   Субстанциально-функциональная теория балканского языкового союза и славянские языки. Доклад к XIV Международному съезду славистов (Охрид, Македония, 10–16 сентября 2008 г.) / Русаков А. Ю., Соболев А. Н. СПб.: Наука. 2008. 40 с.

ISBN 978-5-02-025255-4

Утверждено к печати
Институтом лингвистических исследований РАН

ISBN 978-5-02-025255-4

© А. Ю. Русаков
© А. Н. Соболев

Введение

Славянские языки, будучи классическим примером ареала близкородственных языков, членимого преимущественно на основании генетических признаков, демонстрируют тем не менее зональную дифференциацию, с распределением прямо унаследованных признаков не совпадающую. Например, хорошо известно фонологическое деление славянского ландшафта на аккомодативную (характеризующуюся большим количеством палатализованных согласных, коррелирующих с твердыми) и неаккомодативную зоны¹ [Jakobson 1931/1962; Исаченко 1939-1940/1963; Sawicka 2001], из которых первую можно сближать с языками „евразийского“ типа [Stadnik 2002], а вторую – с языками типа Standard Average European (SAE). Не менее классический характер носит пример Балканского полуострова как переходной между „центрально-евразийскими“ и SAE языками зоны, в языках которой можно наблюдать не только сравнительно высокий уровень индекса принадлежности к SAE типу [Haspelmath 2001; Русаков 2004а], но и ряд черт, этому типу чуждых и характерных именно для уникальной в Европе балканской лингвистической общности (это, прежде всего, постпозитивный артикль и отсутствие/редукция инфинитива). Подобное положение дел не может не быть следствием конкретных контактных процессов, причем в балканской языковой и культурной ситуации практически каждый язык, культура и этнос играет или мог играть в прошлом как роль реципиента, так и роль донора.

Данные ареальной лингвистики позволяют говорить о балканском языковом пространстве в целом как о непрерывном *континууме* балканских диалектов, в котором исторически отсут-

---

¹ К первой зоне относятся восточнославянские и лехитские языки, а также восточноболгарские диалекты, ко второй – чешский, словацкий, серболоужицкий и южнославянские, кроме восточноболгарских диалектов.

ствовали барьеры для заимствования и распространения структурных инноваций, формальных и семантических элементов от одного языка к другому. Возможно говорить о диалектной структуре балканской языковой общности (не совпадающей с ее генетическим членением), манифестируемой на лексическом и грамматическом уровне. Границы часто проходят в направлении *северо-северо-восток – юго-юго-запад* и при этом оказывается, что западноюжнославянский ареал при ареально-типологическом рассмотрении его в общебалканском контексте есть часть балканского лингвистического *запада* (в который входят также албанские и арумунские диалекты, с частичным подключением славянских диалектов западной Македонии). Этот западный ареал совершенно отчетливо противопоставлен балканскому востоку или юго-востоку (преимущественно греческо-болгарско-восточномакедонскому по составу), что свидетельствует о глубинности данного членения языкового ландшафта полуострова на всем протяжении его известной нам истории (от иллирийско-фракийской, латинско-греческой оппозиции до известного членения тюркских диалектов Балкан также на западную и восточную группу) [Соболев 2003а].

Общие задачи балканистики и балканославистики

Преодолев кризис тавтологических и спекулятивных теорий, балканское языкознание XXI века должно дать синтезирующее, системное, непротиворечивое внутрилингвистическое и общественно-релевантное описание балканской лингвистической общности, возникшей в результате многовековых многосторонних контактов между населяющими и населявшими полуостров разнообразными этническими группами. В области лингвистической теории следует прежде всего непротиворечиво сформулировать и обосновать фактически теорию конвергентной языковой группы, а также продемонстрировать общелингвистические и специальные методы изучения таких групп. Такая работа должна привести к практическому созданию исторически, типологически и ареалогически ориентированной сравнительно-сопоставитель-

ной грамматики балканских языков и сравнительно-сопоставительного балканского словаря и к их дальнейшему внутрисистемному, общетипологическому, историко-лингвистическому и ареалогическому анализу. В междисциплинарном плане теория конвергентной языковой группы должна быть соотнесена с актуальными представлениями о многоэтничных, многоязычных и поликонфессиональных обществах и об имеющем место в таких обществах *диалоге культур*. Теория может также иметь прогностическое значение для поиска путей решения проблем современных многоэтничных, многоязычных, мультирелигиозных и поликультурных обществ, процессов интеграции и дезинтеграции в них.

В частности, балканское языкознание должно решить проблему межъязыковой идентификации лингвистических единиц и их функций в контакте; проблему системности и взаимной имплицативности языковых признаков как во внутриуровневом, так и во внешнеуровневом аспекте и установить иерархию этих признаков; решить вопрос об устойчивых и проницаемых для контактных инноваций участках языковой структуры, установив их относительную иерархию и зависимость процессов и результатов контактов от ингерентных свойств того или иного языка и внести тем самым свой вклад в типологию контактнообусловленных изменений по языковым уровням; описать роль каждой языковой группы (и/или языка) в качестве донора и реципиента в балканской языковой общности, уделив особое внимание малым или уже исчезнувшим языкам полуострова; установить взаимозависимость социолингвистической ситуации и видимых результатов контакта; ответить на вопросы о связи между наличием языковой общности конвергентного типа и наличием общности между соответствующими этническими группами на иных, внелингвистических уровнях (прежде всего, в области культуры, материальной и духовной); на вопрос о том, является ли отсутствие отношений доминирования/подчиненности между носителями контактирующих языков и самими языками (престижные и непрестижные языки и языковые формы) и культурами необходимым условием для образования конвергентной языковой группы; о неограниченной взаимопроницаемости языков и культур, а также о неограниченной возможности взаимо-

понимания их носителей и др. Особо следует рассмотреть последствия новейшей языковой политики балканских государств в условиях глобализации (отказ от полицентричных норм, устранение субстандартных вариантов, ассимиляция языковых и этнических меньшинств, борьба за признание глобальной ценности отдельных этнических языков и др.).

Объектом исследования должны быть все уровни всех языков (во всех их исторически засвидетельствованных стандартных и субстандартных формах) и культур всех – больших и малых – этнических групп, представленных на территории, географически определяемой как Балканский полуостров, в соотношении с географическими, политическими, экономическими, конфессиональными и другими константами этой территории. Обнаружение лингвистических констант Балканского полуострова следует признать основной теоретической целью балканского языкознания.

Перед исследователем славянских языков, уникальное лингвистическое развитие на Балканах ставит вопросы как общие, так и специфически ориентированные именно на славистическую проблематику. Общие вопросы заключаются в определении главных закономерностей формирования лингвистического ландшафта Балкан и в установлении конкретных контактных ситуаций, „ответственных“ за возникновение каждого отдельного явления и их групп: какие языки принимали участие в контакте, какой характер носило взаимодействие групп носителей этих языков и каковы были его хронологические и географические рамки. Специфические вопросы нацелены на установление роли именно славянских языков и их носителей в формировании языкового и культурного ландшафта Балканского полуострова: в каких случаях славянские языки и культуры выступали в качестве реципиента, в каких случаях являлись донором для иных балканских языков и культур, а в каких случаях не являлись ни первым, ни вторым. При анализе контактноиндуцированных инновационных изменений во внутрисистемном аспекте важно выяснить, что и в каких языках на Балканах меняется под контактным влиянием, что и где сохраняется достаточно устойчиво и чем вызвана неравномерность внутрисистемного развития.

К теории балканского языкового союза Субстанция и функция

Конвергентное развитие языков Балканского полуострова очевидно имеет место как в области *mundus sensibilis*, так и в сфере *mundus intelligibilis*, перестраивает как языковую субстанцию, так и языковую функцию.²

Перестройка *языковой субстанции* под контактным воздействием заключается в заимствовании языковых *элементов (единиц)*, представляющих собой единство формы и значения: лексем и идиоматических выражений, больших, чем слово, словоизменительных и словообразовательных морфем, морфонологических механизмов. По отношению к звуковому строю языка близким аналогом субстанциального контактного изменения является заимствование фонемы в единстве ее фонологического статуса и артикуляционно-акустической природы (например, появление под греческим влиянием интердентальных спирантов в арумьском языке и в диалектах македонского). При этом фонемы обычно заимствуются вместе с иноязычными словами и морфемами, в которых они встречаются. Формально-синтаксический аналог субстанциального контактного изменения обнаруживается в сфере информационно значимого порядка слов или морфем (например, инкорпорация местоименного прямого объекта в глагольную форму императива в северногреческом говоре, возникающая под албанским влиянием [Лопашов 2006]).

Контактнообусловленная перестройка *языковой функции* заключается в межъязыковом отождествлении *элементов (единиц)* двух языков и в изменении элемента одного из этих языков под воздействием отождествленного с ним элемента другого языка.

---

² Субстанциальными можно считать способы маркирования смысло-различительной функции и категориальных грамматических значений, т.е. инвентарь звуков и фонем, порядок слов, супрасегментные явления, морфонологические механизмы, флексию и аффиксы, служебную и полнозначную лексику (последнее – в тех очевидных случаях, где такая лексика есть часть грамматики). Под функцией можно подразумевать все виды функций и значений (от смысло-различительной функции в фонологии через абстрактно-грамматические к конкретно-грамматическим и даже полнозначно-лексическим значениям).

При этом надо отметить, что межъязыковое отождествление представляет собой аналогический процесс, существенно не отличающийся от процессов, действующих при „монолингвальном“ языковом изменении (см. [Croft 2000: 145-156] о сходстве межъязыковой *интерференции* и внутриязыковой *инференции*). Отождествляться могут как отдельные элементы, так и конструкции (например, предложно-падежная конструкция одного языка может быть отождествлена с падежной формой другого, а синтетическая глагольная форма может быть отождествлена с аналитической или даже со свободным синтаксическим построением и т.д.). Важно, что между внутренне обусловленным семантическим сдвигом и контактнообусловленным грамматическим калькированием отсутствует принципиальное различие. Изменение функции элемента языка А под влиянием отождествления с элементом языка В заключается в том, что он начинает употребляться в контекстном окружении (сочетаниях, конструкциях и т.д.), аналогичных конструкциям языка В – подобные процессы имели место при распространении многих „классических“ балканизмов, например способов образования будущего времени и мн. др.³

В фонетической сфере аналогом процесса функционального изменения являются хорошо известные явления субституции звуков (основанные на их отождествлении) и их дальнейших фонологических переинтерпретаций [Вайнрайх 1953/1979]. В области синтаксиса аналогичным образом можно трактовать сужение или расширение коммуникативных функций порядка слов (ср., например, фиксацию под албанским влиянием постпозиции атрибута в субстантивной синтагме в западномакедонских диалектах [Видоески 1960-1961; 1962-1963]).

Как языковая субстанция, так и языковая функция диахронически изменяются в соответствии с определенными иерархическими тенденциями, где конечными точками континуума явля-

---

³ Ясно, что и лексический семантический сдвиг в языке-реципиенте точно так же можно рассматривать как расширение значения лексемы под влиянием отождествления с соответствующей лексемой языка-донора, проявляющееся в том, что она начинает использоваться в тех же контекстах, что и в языке-доноре.

ются, с одной стороны, максимально абстрактные, максимально синсемантические значения с максимально формализованными (т.е. без какой-либо „внутренней формы“) средствами выражения, а с другой – максимально конкретные значения с максимально лексикализированным (обладающим „внутренней формой“) выражением.

Конвергентная группа

Балканское языкознание можно понимать и как сумму, и как производное таких научных дисциплин, как греческое, албанское, романское, славянское, индоевропейское, тюркское языкознание, история языка и диалектология, теоретическое и сравнительно-историческое языкознание, лингвистическая ареалогия, лингвистическая типология, социолингвистика, этнолингвистика, языковая политика, сравнительная культурология и антропология в применении к языкам и культурам Балканского полуострова, образующим или образовывавшим в прошлом *ареальную* или *конвергентную группу*.

Релевантной для лингвистики группой языков мы можем называть фактически любые их объединения числом не менее двух по любому признаку, например по географическому (языки географической области Македония), государственному (языки Республики Македония), конфессиональному (языки мусульман, иудеев и т.п.), генетическому (индоевропейские или тюркские языки) и др. С внутрилингвистической точки зрения наибольший интерес, однако, представляют такие языковые группы, между членами которых засвидетельствовано наличие схождений, не объясняющихся генетической общностью и не ограничивающихся лексическими заимствованиями (см. [Thomason 2000]). Например, необходимым и достаточным условием для признания языков *конвергентной* группой следует считать наличие регулярных соответствий в функциях лингвистических единиц всех языковых уровней (субстанциальные схождения при этом окажутся неизбежным сопутствующим признаком). Если языки, носители которых находятся в непосредственном территориальном соседстве, не демонстрируют подобных сис-

тематических соответствий, их следует признать (географически-)ареальной группой⁴. Можно считать, что (географически-)ареальная группа может интегрироваться в конвергентную и наоборот, конвергентная дезинтегрироваться в (географически-)ареальную – как, видимо, и происходило и происходит на Балканах.

Для балканской конвергентной группы традиционно используется термин *балканский языковой союз*, внутри балканского языкового союза могут выделяться и выделяются меньшие конвергентные группы, охватывающие отдельные языки и диалекты.

О типах ситуаций языкового контакта на Балканах

В классической работе [Thomason, Kaufmann 1988] убедительно показывается, что базовые интерференционные механизмы универсальны и что все контактные ситуации могут быть сведены к двум основным – *сохранению языка* и *языковому сдвигу*. При сохранении языка интерференционные процессы действуют сперва на лексическом уровне и лишь затем (обычно при смене языковой доминации) начинается фонетическое и грамматическое влияние языка-донора. При языковом сдвиге, если влияние „субстратного“ языка имеется, оно проявляется прежде всего в фонетике и синтаксисе.⁵ Поскольку сами интерференционные механизмы при этом не зависят от типа ситуации, постольку на основании *последствий* контакта довольно сложно – без

---

⁴ В лингвистической литературе термин *ареальная группа* достаточно часто используется как синоним термина *конвергентная группа* (например, в [Thomason 2000]); мы предлагаем отказаться от этого отождествления.

⁵ Попытки разработать более дробную классификацию контактных ситуаций, различавшихся бы *лингвистическими* следствиями, к особому успеху не приводят. Пожалуй, вариантом ситуации языкового сдвига можно считать случай „субстратного“ воздействие *сохраняемого* родного языка на второй, так называемый „X-ированный язык Y“ [Белл 1980: 1999], например индийский английский язык. Возможно, такая ситуация актуальна и для некоторых регионов Балкан.

дополнительных исторических сведений – реконструировать *ситуацию* контакта, определить, имел ли место в прошлом языковой сдвиг или сильное интерференционное воздействие второго языка на первый с возможной доминацией в определенный период времени второго языка. Единственное обстоятельство, позволяющее склонить чашу весов в пользу решения о сдвиге, парадоксальным образом носит отрицательный характер: при языковом сдвиге в „языке-победителе“ представлено, как правило, мало лексических элементов исчезнувшего языка. Однако и тут возможны исключения. Если переходу на другой язык предшествовал период сравнительно длительного „равновесного“ сосуществования двух языков в билингвальном сообществе (с возможным наличием ситуации переключения кодов), то в язык, ставший впоследствии „единственным“, могут попасть заимствования из исчезнувшего языка. В этой связи интерес представляет (вероятно, недоказуемая) гипотеза А. В. Десницкой, объяснявшей некоторые черты севернотоскских говоров албанского языка тем, что в этом регионе имел место массовый переход на албанский „македоно-славянского“ населения [Десницкая 1976: 195-196]. Поскольку до этого перехода славяно-албанский билингвизм предположительно имел место в течение „относительно длительного времени“, постольку славянская лексика была заимствована албанским и его отдельными говорами в достаточно большом объеме.

В плане историческом, определить зоны имевшего место в прошлом языкового сдвига сугубо лингвистическими методами достаточно трудно, а все предположения на этот счет поневоле носят гипотетический характер.

В отношении балканославянских языков, в частности, встает вопрос о лингвистических последствиях ассимиляции славянами доосманских тюрков, от протоболгар до куманов восточной (и в меньшей степени центральной) части Балкан. Здесь явно имел место языковой сдвиг, поэтому нас не должно удивлять малое количество ранних тюркских лексических заимствований (например, в болгарском языке), а тюркское влияние следует искать прежде всего в фонетике и синтаксисе (ср. новую гипотезу о происхождении балканского постпозитивного артикля [Kuzmenko 2003]). В этих же регионах влияние восточно-

романских языков на южнославянские, несомненно, реализовывалось вследствие перехода части „влахов“ на болгарский язык⁶ с IX по XIII-XIV века [Черняк 1998: 195-201], а результатами этого влияния стал переход балканославянского именного словоизменения к аналитизму [Соболев 1991], способы выражения посессивных отношений, особенности маркировки определенности на левом члене именной группы и, возможно, постпозиция артикля. Географически локализовать центр контактов и точно определить диалектные особенности языка-донора достаточно трудно [Цыхун 1981; Младенов 1987; 1991], а в конечном итоге исследование упирается в нерешенные вопросы румынского этногенеза.

В западно-балканской и в центральной зоне албано-арумыно-греческо-славянских контактов⁷ мы имеем целый пучок ярких схождений в области особенностей употребления артиклей, местоименного удвоения объекта, синтаксиса падежных и предложно-падежных форм, посессивного перфекта,⁸ в строении и употреблении будущего в прошедшем и др. [Асенова 1989/2002; МДАБЯ 2003-2006]. При очевидной роли греческого языка как языка-донора в восточной и южной Болгарии, в Македонии и южной Албании [МДАБЯ 2003-2006; Дуриданов, Младенов 1989], в балканском языкознании часто указывают на особую роль арумынского языка в последнем регионе [Gołąb

---

⁶ „Таким образом, схема болгарского этногенеза должна выглядеть следующим образом: 1 этап – ассимиляция праболгар на территории нижней Мезии и Малой Скифии (Добруджи) и 2 этап – ассимиляция ромеев, главным образом влахов, на территории диоцезов Фракия (до Странджы) и Дакия“ [Черняк 1998: 195].

⁷ Иногда эту зону считают ключевой для распространения балканизмов вообще: „Эпицентр балканизмов находится, как кажется, где-то южнее Охридского озера и озера Преспа, где встретились греческий, албанский, македонский, арумынский и цыганский языки и где их местные варианты, несомненно, более похожи друг на друга, чем все пять идиомов, взятые в целом“ [Lindstedt 2000: 234]. Этот тезис в целом верно описывает ареальную ситуацию, однако вряд ли мы можем считать этот регион центром иррадиации *всех* балканизмов.

⁸ Один из признаков, относящих македонские говоры (в отличие от болгарских) к SAE ареалу.

1964; Sobolev 2006] и постулируют переход значительной части арумьнского населения на местные славянские диалекты (что и объясняет ряд черт последних). Говоря о греческом влиянии на славянский, мы переходим от потенциального влияния через языковой сдвиг к ситуации „классического“ языкового контакта, когда доминирующий и престижный в культурном плане язык оказывает воздействие на первый язык билингвального речевого сообщества.

Вообще надо заметить, что, несмотря на очевидную недостаточную изученность реального балканского языкового контакта в многоязычных сообществах (от микроуровня семьи, махалы и села до макроуровня географической области, региона и государства) и отсутствие надежных сведений о речевом поведении балканского би- и трилингва в разные исторические эпохи, из предварительных наблюдений ясно, что разные типы контактных ситуаций достаточно трудно, а зачастую и невозможно отграничить друг от друга. Например, в прошлом для Балкан было весьма характерно положение, при котором некоторый набор языков в отдельном регионе более или менее сохраняется, но происходит смена языков (или языковой доминации) у определенных групп населения. Таковы языковые контакты в албанско-черногорском пограничье, где существовало а) постоянное межэтническое общение, когда „этнические“ сербы говорили по-албански, а „этнические“ албанцы – по-сербски; б) смена языка: албанцы „ассимилировались с сербами“, сербы „албанизировались“. Сходная ситуация, вероятно, была характерной для многих районов Балкан.

В контактологической литературе в качестве важнейшего условия „успешности“ интерференционных процессов постулируется необходимость доминации одного из языков, участвующих в контакте. Действительно, серьезные структурные изменения в ситуации сохранения языка становятся возможными, только когда второй, „неэтнический“, язык становится доминирующим, то есть после смены языковой доминации (что есть необходимое, хотя и не достаточное условие языкового сдвига). Однако для языковых союзов в целом обычно невозможно исключительно лингвистическими методами установить исторически имевшую место доминацию какого-либо языка или язы-

ков.⁹ Например, современные билингвальные ситуации на Балканах, носящие, как правило, выражено асимметричный характер, говорят достаточно мало о характере би- и мультилингвизма в прошлом, до эпохи образования национальных государств. Восстановить конфигурации языковой доминанции (включая и отсутствие таковой) для различных регионов и микрорегионов Балкан в исторически различное время трудно, а точнее, практически невозможно. Выскажем лишь два соображения.

Во-первых, при отсутствии языковой доминанции на макроуровне, она может присутствовать на микроуровне (микрорегиона, села, наконец, отдельной семьи). В результате контактов групп населения и отдельных носителей даже на *одном* языке может происходить столкновение разных – по степени интерферированности – языковых вариантов, так что языковые изменения могут распространяться и в результате своеобразной аккомодации (или „торга“, negotiation [Thomason 2001]).

Во-вторых, приходится дифференцированно подходить к самому понятию языковой доминанции. Следует, например, отличать доминанцию одного из языков, обусловленную неполным или недостаточным владением другим (как правило, вторым, но иногда и родным), т.е. так называемое *полуязычие*, от функциональной доминанции. Особо выделяются языки высокого социального престижа – языки государственной власти, церкви и т.д., и в этой связи полезно разработанное Я. Матрасом понятие *прагматически доминантного языка* – языка, определяющего правила и узус речевого общения в многоязычном сообществе. Такой язык служит для билингвальных носителей ресурсом для „дискурсивных, жестобразных, регулирующих дискурс целей“, т.е. прежде всего донором междометий, слов-наполнителей (fillers) и эмблематических выражений, сентенциальных частиц, фокусных частиц, включающих фазовые наречия, а также союзы, прежде всего противительные [Matras 1998: 281, 293-294]. На протяжении известной лингвистической истории Балкан в

---

⁹ См., например, о БЯС: „Multilingualism was presumably rather symmetrical over the area as a whole: ...area-wide one-way bilingualism of the sort that often accompanies asymmetrical dominance relations is unlikely to have obtained“ [Thomason 2000: 318].

разных их регионах роль прагматически доминантных играли практически все языки полуострова, за исключением языков совсем малых и/или дисперсно рассеянных групп, резко отграниченных от остальных конфессионально или этнически (вроде сефардского и цыганского). Важно при этом, что уровень реального знания доминантного языка значительной частью населения может быть сравнительно низким, но достаточно того, что существует билингвальная группа авторитетных носителей, „навязывающих“ окружающим определенные правила и рамки ведения дискурса.

Можно, в связи с вышеизложенным, поставить вопрос о славянском культурно-языковом влиянии не только в тех зонах Балканского полуострова, где оно очевидно и хорошо изучено (например, в румынском ареале), но и там, где оно конкурировало с ситуативно более сильными культурными воздействиями. В этом плане характерен пример албанской языковой зоны, испытывавшей хронологически и географически дифференцированное латинское, греческое и турецкое воздействие, отразившееся в использовании албанским нескольких алфавитных традиций. Тем не менее, следы использования старославянского языка и/или славянской письменности прослеживаются и тут. Мы находим их в использовании старославянского языка в канцеляриях албанских князей второй половины XIV – середины XV вв. (см. также знаменитые надписи Карла Топия на греческом, латинском и славянском языках в церкви монастыря Св. Иоанна Владимира близ Эльбасана); в латинской алфавитной традиции ранних памятников албанской католической литературы XV – XVI веков, имеющей далматинские корни и использовавшей, в частности, несколько кириллических букв; в возможном глаголическом влиянии на серию оригинальных алфавитов, созданных в Средней Албании в конце XVII – XVIII вв. Локальным вариантом этого влияния является использование кириллического алфавита для письма (сугубо частного характера) на албанском носителей албанских диалектов, оказавшихся в болгарском (Мандрица), а затем и в русско-украинском языковом окружении (албанские диалекты Украины).

О типах контактных изменений с участием славянских языков

Научное знание о языке должно различать унаследованное и благоприобретенное, а в последнем случае мы, как кажется, можем разграничить приобретенное языком-реципиентом путем *заимствования* и приобретенное им путем *семантического сдвига* или *структурного копирования* (т. е. путем своего рода субституции чужого языкового материала или функции своим языковым материалом или функцией). Эти механизмы мы можем наблюдать в типичной для современных Балкан контактной ситуации *сохранения языка*, например, любого южнославянского (сохраняясь, язык заимствует „чужое“ и, в свою очередь, воздействует на окружающие языки, отдавая „свое“). Иллюстрацией к выдвинутым положениям нам послужат материалы Малого диалектологического атласа балканских языков [МДАБЯ 2003-2006], а именно томов Лексической серии атласа, посвященных лексике духовной культуры, терминологии родства и лексике скотоводства, а также тома Грамматической серии, посвященного категориям существительного.

Достаточно надежных свидетельств прямого славянского влияния на терминологию духовной культуры соседних народов в форме лексических заимствований среди наших данных немного (ср. также более общие работы [Budziszewska 1991; Ylli 1997]), а ареал их распространения (за очень редкими исключениями) обычно ограничивается географической областью Македонии и непосредственно к ней прилегающими районами, т.е. местностью, где наличие славяноязычного населения либо в настоящем, либо в ближайшем прошлом не может быть подвергнуто сомнению. В наших материалах это рефлекс лексемы **kolęda* в значении „Сочельник“ в некоторых греческих и арумынских говорах Эгейской Македонии и Эпира, лексема *ta s'urva* „вечер перед Новым годом, новогодняя ночь“ в северногреческом, в албанском – *dordol'ec* „ребенок, поливаемый водой во время обряда вызывания дождя“, а также рефлекс мак. *k'arĉ-ta* в албанских и греческих диалектах в значении „праздник по окончании жатвы или молотбы“.

Напротив, в области скотоводческой лексики славянские языки – несомненный общебалканский донор (этот факт ранее ускользал от внимания балканистов [Асенова 1989/2002: 43-47; АПБЕ 2003]), причем для некоторой части славизмов следует предположить арумьинское посредничество в их распространении. Фонетические характеристики славянских по происхождению лексем в балканских языках-реципиентах указывают как на древнее (**stroga*, **sěno*, **koryto*), так и на недавнее по времени влияние. Тематический спектр скотоводческих славизмов очень широк, это обозначения шерсти по ее количеству, виду и качеству (напр. **rudъ*); релевантные для хозяйства особенности тела животных (**mьrša*, **slabъ*); кастрирование, размножение, половые органы скота (**skopiti*, **pьrčiti* (*se*) и мн. др.); половозрастные обозначения (**šelegъ*, **pьrčъ*); хозяйственно нерелевантные цветовые обозначения (**bělъ*, **šarъgavъ*); уход за скотом, кормление и соответствующие устройства (**gordjъ*, **kopana*); социально-хозяйственная организация пастушеского коллектива (**čelъnikъ*); постройки, части и комплексы построек (**lěsa*, **stanъ*, **stroga*); релевантные для хозяйства части тела (**kostъ*). Все это однозначно указывает на симбиоз пастушеского славянского и арумьинского, албанского и греческого населения на протяжении всего периода пребывания славян на Балканском полуострове.¹⁰ Количественное и ареальное распреде-

---

¹⁰ Напротив, фонетические характеристики терминов скотоводства албанского происхождения (**bardza*, *kuq*, **laura*, *ngjesh*, *shkurt* и **verk*) указывают на относительно недавнее время их заимствования в греческие диалекты (реже в арумьинские и славянские). Возможно, их следует связать с известным из этнической истории Балкан направлением массовых переселений, а также трудовых миграций албанцев на юг, возобновленных в конце XX в. Концентрация албанизмов в области цветообозначений, а также других внешних признаков животных (с производственной точки зрения нерелевантных, но важных для идентификации отдельных животных в стаде при пастьбе), скорее всего объясняется исполнением албанцами хозяйственно-социальной роли наемных пастухов. Можно полагать, что наши данные указывают не в направлении албанско-греческого симбиоза, а, скорее, в направлении различного распределения социальных и трудовых ролей греческого населения и албанских мигрантов.

ление славизмов по отдельным языкам и диалектам свидетельствует о том, что наиболее интенсивные контакты имели место на территории Македонии и южной Албании.

В некоторых случаях зона западноюжнославянского (сербского) влияния на албанские диалекты (**šelegъ*) ясно противопоставлена зоне влияний восточноюжнославянских (македонских и болгарских), а инновации центральнобалканских славянских диалектов (**čukati*) противопоставлены зонам архаики. Чрезвычайно интересны славизмы, не отмеченные в соответствующих значениях в современных славянских языках (**čelbnikъ*, **rastoka*, **stanъ*). Наконец, ряд межславянских изоглосс (**kopana* ~ **koryto*, **čukati* ~ **skopiti*, **mьrkati (sę)* ~ **mьrliti (sę)* ~ **pьrčiti (sę)*) ясно продолжается на ныне неславянской языковой территории, указывая как на единство славянского языкового ландшафта в прошлом, так и на отсутствие барьеров между частями полифоничного балканского ландшафта в целом.

Подобные данные, как известно, позволяют реконструировать различные роли этнических групп в социальных и производственных процессах на Балканах. В отличие от терминологии отдельных видов хозяйственной деятельности, наличие заимствований в области терминологии родства и свойства должно прямо указывать на отношения аффиинитета между различными этническими группами. Так, изученная нами группа арумьин Пинда очевидным образом исторически была связана со славянами (ср. арумьинские славизмы (*l'alā*, *nve'astā*, *t'etā*, *t'atā*, также *v'eduv*¹¹ [Соболев 2004b]), в то время как албанцы-мусульмане – очевидно скорее¹¹ с тюрками-османами (ср. албанские тюркизмы *ba^lb* ~ *bab'a* „отец“, *da^lxh* ~ *d'ajo* „дядя по матери (брат матери)“, *hall* ~ *h'allo* „тетя по отцу (сестра отца)“, *t'eze* „тетя по матери (сестра матери)“ [Соболев 2004a]; сходные заимствования из османотурецкого можно наблюдать и у славян-мусульман).

В качестве примера области, в которой славянские языки не являются ни донором, ни реципиентом, приведем семантическое микрополе названий родительских братьев и сестер, а также их

---

¹¹ О славянских терминах родства в албанском типа *babë*, *çejadë*, *dedo*, *pastërk* и *teto* см. [Ylli 1997: 315].

супругов, где в обследованных южнославянских пунктах прекрасно сохранились славянские лексические архаизмы **stryjь*, **stryjьna*, **ujь* и **ujьna*. О том, что это микрополе не единственное в своем роде, свидетельствует такое же положение дел с лексемами **bratuščedь*, **děverь*, **šurь*, **zъly*, **jetry* и др. Помимо того, что они не утратились у южных славян, эти обозначения совершенно не заимствуются в неславянские балканские языки, использующие менее дифференцированные системы с большим количеством структурных нейтрализаций.

Оставляя в стороне хорошо изученный вопрос о неславянском лексическом фонде в южнославянских языках, обратимся к лексическому калькированию в славянские языки, т.е. к заимствованию внутренних форм номинаций. Вероятно, примеры калькирования дохристианских балканских календарных терминов¹² обнаруживаются в названиях Дня весны (1 / 14.3). В зоне греческо-македонско-болгарской обозначения мотивированы лексемой „март(а)“, восходящей через среднегреческое посредничество к латинскому источнику: греч. *prutumartj'a*, мак. *b'abl m'artл*, болг. *p'ɔrvл m'artл*, а в черногорско-албанско-западно-македонской зоне – это исконные для каждого языка лексемы с внутренней формой или мотивацией „лето“ (т.е. для славянских языков вполне можно говорить о кальке с албанского): серб. *proletňak*, алб. *d'ita (e) v'erës*, мак. *l'etnik*.

Для обозначения дня православного календаря славянские языки на Балканах либо используют только имя собственное (обычно заимствованное из греческого или через греческое посредничество), либо калькируют греческую синтагму „святой X“, либо оформляют название посессивной конструкцией по модели „X-ов день“, либо образуют суффиксальный *-ica*-дериват

---

¹² В сфере терминологии народной культуры калькирования со славянских на балканские языки практически не отмечено. Славянский источник можно предполагать в случае называния последних колосьев в поле или специально оставленной недожатой части поля лексемами с внутренней формой „борода“, что характеризует некоторые южногреческие диалекты: мак. *br'ada > to m'uši (tu xorafx'u)*.

(ср. мак. *svet'a p'etkл ~ p'etkɔvden ~ petk'ovica*).¹³ Модель „(святой) X“ в некоторых случаях последовательнее реализуется в западной и/или центральной части Балкан (т.е. в Черногории, восточной Сербии, западной Македонии) и обычно имеет прямые параллели в греческом, албанском и арумьнском языках, в то время как в восточной Македонии и в Болгарии ей противопоставлена славянская посессивная модель модель „X-ов день“: серб. *sv'eti i'ovan ~ мак. iv'an(ɔv)den*; мак. *sv'eti tan'asia ~ мак. тлн'asɔvden*; серб. *sveti žoržija ~ мак. ġ'urġevden*; мак. *sv'eti m'itrija ~ мак. m'itrovden*. В центральнобалканском ареале объединяются генетически разнородные языки и культуры, а терминология календарной обрядности иногда имеет *общевалканский* характер как в плане полного совпадения формы, так и в

---

¹³ В отличие от христианского, исламское влияние на терминологию балканских народных духовных культур происходит путем прямого заимствования из основного для Балкан языка-донора в этой области – турецкого (который, в свою очередь, может быть проводником лексики по происхождению арабской, иранской и т.п.). Например, в народный календарь родопских славян-мусульман входят праздники *Рамазан байрям*, *Курбан байрям* или *Коч байрям*, *Кадър гедже* или *Кадър Авильъм*, *Невруз*, *Едрелез*, *Касъм*, месяцы *Реджеп*, *Шабат*, *Рамазан*, пост *Юч айлар* или *Хаирните дене*, два дня перед байрамами – *голяма* и *малко арфе*, сороковой день после *Курбан байряма* – *Аиџура*. Многие из этих же самых элементов находим, например, у славян-мусульман в Боснии или у албанцев-мусульман в краинах Скрапар и Дибыр [Попов 1994: 114-116; Юллы, Соболев 2002: 391-416; 2003: 420-427]. Можно сопоставить с этими данными факты довольно обычного перекодирования имен собственных из греческого в болгарский (*Θόδωρος > Божидар*, *Πέτρος > Камен*), из арумьнского в македонский (*Floria > Цветанка*) [Седакова 2007: 108], из арумьнского в албанский (*Buna > Mira*), что характерно, как кажется, в основном для христиан (православных). По сообщению Красимиры Колевой (Ун-т в Шумене) на заседании Комиссии по балканскому языкознанию при МКС 5.4.2008 в Берлине, болгары-мусульмане предпочитают прямо заимствовать турецкие и (преимущественно) арабские имена, хотя им прекрасно известна их внутренняя форма (*Хасан* ‘красивый’, *Айше* ‘благодеющая’, *Джемиле* ‘красавица’, *Айсун* ‘свет’ и т.д.). Справедливости ради следует отметить, что перекодирование встречается и здесь, ср. *Севда* и *Любов*.

плане идентичности семантики обозначений и функций календарного дня (ср. алб. *shejtan'as*, греч. *aīban'as*, арум. *'aγ'u θan'a-si*; алб. *shëngj'ergj*, греч., арум. *aj'oris*, *'aγ'u γ'ory'i*, алб. *shën-m'itër*, греч., арум. *aīdim'itr*) [Соболев 2006].

Путем калькирования внутренней формы греческого обозначения возникли также такие термины народной духовной культуры, как мак. *ĕ'isti pon'edelnik* < греч. *i kaβar'a δεфт'ера*; мак. *vel'ikлл ned'eлл* < греч. *meγ'al'i evđom'ađa*; мак. *v'eli-ĕ'etvartok* < греч. *meγ'al'i p'emti*; мак. *vel'ipetok* < греч. *i meγ'al'i parask'ev'i*; болг. *peddes'etnicл* < греч. *c pin'inda c paskal'as*; мак. *svet'i duh* < греч. *'ajo pn'evma*. В случаях, когда греческий язык располагает или располагал в прошлом двумя или несколькими номинационными моделями (из-за различий в локальных греческих традициях или в хронологии возникновения), их рефлексы закреплялись в разных частях южнославянского ареала, образовав изоглоссы. Таковы случаи слав. **vьskrьsь* в сербском ареале и **velikъ dьнь* в восточносербском, македонском и болгарском в обозначении Пасхи; мак. *ĕet'iries m'uĕenici* < греч. *sar'anda m'artiris* vs. болг. *svĕt'i ĕet'ir'is'e* < греч. *i aj'i sar'aⁿdes*; мак. *vel'ivdenska n'edela*, ср. греч. *ta paskal'ojorta* vs. болг. *sv'etл ned'eлл*, ср. греч. *дефт'ера tis la^mbr'is*, *i tr'iti tis la^mbr'is*.

Также и следы романского воздействия могут формировать важнейшие изоглоссы, членившие балканское языковое и культурное пространство. В обозначениях масленичной недели и последнего дня масленицы греческой модели „сырное заговенье“, „сырная неделя“ (греч. *i tirin'i evđom'ađa* > мак. *s'irnл ned'eлл*, болг. *s'irn'i z'agovĕzni*) противостоит романская модель „белое заговенье“, „белая неделя“ (арум. *siptum'ana 'albā* > мак. *b'eла n'edela*, серб. *bijeli pokladi*), обе с ярко выраженными ареалами распространения.

В области терминологии родства под влиянием балканских систем в южнославянские языки проникают такие лексические нейтрализации, как „поколение“ ~ „пояс“, „жениться“ ~ „выходить замуж“, „человек“ ~ „муж“, „жених“ ~ „зять“, „двоюродный брат“ и „племянник“ ~ „внук“. Под тем же балканским влиянием славянская модель „старший“ ~ „младший“ (сын,

дочь, брат, сестра, внук и т.д.) заменяется схемой „большой“ ~ „маленький“.

Прекрасным образцом калькирования с греческой (и арумынской) модели служат зап.-македонские лексемы *pr'itatko* „отчим“, *pr'isin* „пасынок“, *pr'ikerka* „падчерица“ (ср. арум. *parat'atā, parafič'or*)¹⁴. Калькируются и описательные номинации вроде аблативно-агентивных на основе предлога „от“: *s'iračē od-m'aika, s'iračē ot-t'atko* (зап.-мак. Пештани).

В области грамматики существенной выглядит перестройка функционально-семантического поля славянского инструмента-ла вследствие воздействия общебалканской (по происхождению греческой) системы с расширенным полем пациентивности (т. наз. *accusativus graecus*). Она затрагивает в балканославянских диалектах семантическое и функциональное ядро всей категории, стремясь вытеснить собственно инструментально-социативные средства из всех несобственно инструментально-социативных значений или, по крайней мере, закрепить аккузативные конструкции в качестве вариантов или дублетов конструкций инструментально-социативных.¹⁵

---

¹⁴ В славянских говорах района Касторьи и Флорины летом 2007 г. нами была зафиксирована лексема-полукалька с греч. диал. *p'arapat'eras* „отчим“ – *parat'atko* „то же“, как и вышеуказанная арумынская форма представляющая собой переходное звено цепи к западно-македонской полной кальке *pr'itatko*.

¹⁵ Нас интересует именно грамматичность соответствующих диалектных примеров на фоне аграмматичности русских, сербских, македонских или болгарских построений *торговать овцы, **засеять поле пшеницу*, **облить рубашку молоко*, **наполнить стакан воду*, *напоят кони воду, **что ты сделал деньги?*, **заболеть (тяжелую) болезнь*), а не потенциальные семантические, прагматические и др. различия между синонимичными или дублетными конструкциями (ср. рус. *бросить камнем в птицу* ~ *бросить камень в птицу*, макед. *toj f'arlit so d'arvo* ~ *toj f'arlit d'arvo*).

Тип конструкции	Языки и диалекты		
	западномакедонский говор	восточномакедонский говор	родопский говор
„засеять поле пшеницей“	<i>go p'osejav z'agonot č'einca.</i>	<i>t'al n'ivl l p'osej'ax č'en'icl ias.</i>	<i>nl krəz gu strəž'e p'opl kus'ičkltl i m'iru gu m'ažə.</i> ¹⁶
„наполнить сумку деньгами“	<i>mu n'apofnaf 'eden d'isak p'ari.</i>	<i>nlpln'il e c'eli dis'agi p'ari nl t'iil d'ec.</i>	<i>tə v'ərzəš edn'ə kuf'ə səs vəž'e... i nlp'əlnəš yud'ə.</i>
„напоить коней водой“	<i>i n'apiv g'ojdata v'oda.</i>	<i>[d-'i] nlp'oi t'iil k'on'e v'odl, c'arskite k'on'e v'odl.</i>	
„сделать что-л. с деньгами“	<i>me 'opitvit, š'o i st'orif p'arite.</i>		
„облиться молоком“	<i>se k'apnaf ml'eko.</i>		

Из приведенной таблицы становится очевидным неравномерное географическое распределение аккузативных конструкций по славянским диалектам с запада на восток, которое полностью отражает их удаленность от центра наиболее интенсивного взаимодействия балканских языков в южной Албании, северной Греции и Македонии и, соответственно, различия в степени их балканизированности (т.е. перестройке их систем от славянского к балканскому типу). К наиболее инновационным южнославянским говорам близок арумьинский, в то время как албанский демонстрирует практически полное отсутствие исковой инновации.

Перестройка сферы славянского инструментала в балканском контексте происходит в соответствии с правилами иерархии значений падежа, затрагивает как части ядра, так и периферию соответствующего функционально-семантического поля, приводя к расчленению ранее нерасчлененных значений, к созданию новых структурных оппозиций, ранее неизвестных сла-

¹⁶ Ср. также: *i z'ə dl mə m'axl rkl'itə...*

вянской языковой системе, под одновременным воздействием поля пациентивности (аккузативности)¹⁷ по греческой модели и поля агентивности (аблативности) по модели балканороманской (тип мак. *se 'iskapif od ml'ekoto, ot k'afeto.*).

Не очень давняя прямая калька с арумьинской языковой структуры – построения типа *kam ti ga br'atət? k'amo go r'adeta?* [Соболев 2007]:

<i>gde</i>	<i>ga</i>	<i>je</i>	<i>mile?</i>
где-Adv	он-Acc	быть-3SgPraes	Миле-NomSgMasc
„Где Миле?“			
<i>iu</i>	<i>l-</i>	<i>e'asti</i>	<i>sp'irlu?</i>
где-Adv	он-Acc	быть-3SgPraes	Спиро-NomSgMascDef
„Где Спиро?“			

Таково же и аблативно-агентивное предложное управление глагола „быть“ в конструкции со значением „ему *x* лет“: *od k'ołku g'odini si?*

Из многочисленных параллелей приведем еще две македонско-албанско-арумьинские:

(1) употребление нефинитных глагольных дополнений при модальных глаголах (т.е. отглагольных существительных и причастий¹⁸ вместо инфинитива и заменяющего его в балканских языках конъюнктива): мак. *ġ'omlezec s'akat vr'ieġne*;

(2) выражение значения второстепенного действия, предшествующего главному действию при совпадении и несовпадении субъектов действия, специальной конструкцией ‘неопределенный артикль + отглагольное существительное’: мак. *k'oa vl'egol, 'edno v'ikaġne, i ž'ena mu sl'egva da go r'astvoret mag'areto.* (подробнее см. [Соболев 2003b; 2003-2004]).

Рассмотрение контактноиндуцированных изменений в славянских языках Балкан с точки зрения их типа и устойчивости/проницаемости отдельных участков языковой структуры, демонстрирует закономерности, известные по другим контактными ситуациям. Например, большинство морфосинтаксических

¹⁷ Называть эти поля посредством терминов, обозначающих центральные семантические роли (агенса, пациенса, инструмента) кажется нам наиболее удобным.

¹⁸ Ср. в гегском диалекте албанского языка: *d'uhet bo b'uka s'one. d'uhet dën'ue.*, и в тосском: *d'uhësh 'ecur nġe g'jysëm 'ore. bakt'ija do ru'ajtur.*

балканизмов представляют собой либо семантический сдвиг в сфере употребления какой-либо формы под влиянием формы другого языка, либо копирование аналитических конструкций окружающих языков. При этом подтверждаются соображения о реальности факторов, облегчающих реализацию иноязычного влияния в сфере грамматики [Harris, Campbell 1995: 122-136]:

- ясность и простота формального выражения значения (служебное слово > агглютинативный аффикс > флексия);
- ясность и однозначность значения;
- принадлежность явления к дискурсообразующей и эмотивной сфере языка;
- структурная близость конкретного фрагмента грамматической системы двух языков.

Чем более грамматическая конструкция отвечает этим параметрам, тем больше шансов у нее оказать интерференционное воздействие. Но надо также отметить, что эти факторы действуют как при заимствовании значащих единиц, так и при семантическом сдвиге или структурном копировании и что сами эти параметры носят континуумный характер (их отрицательное значение не блокирует возможность интерференции, а лишь затрудняет ее; чем сильнее контакт, тем больше вероятность их преодоления [Tomason, Kaufman 1988]). Кроме того, два первых параметра сущностно связаны, что отсылает к вопросу о действии в грамматике принципа иконичности.¹⁹

В балканистической литературе часто подчеркивают *рецептивность* славянских языков Балканского полуострова, которые больше менялись, чем были источником контактного изменения. Чуть ли не единственный из „крупных“ морфосинтаксических балканизмов, хорошо объясняющийся славянским влиянием – специфический способ образования числительных второго

---

¹⁹ Особую проблему представляют особенности реализации в условиях языковых контактов таких универсальных тенденций и механизмов языковых изменений, как грамматикализация, аналогия и реанализ. Есть все основания полагать, что в принципиальном плане контактное развитие не отличается от внутриязыкового (см. подробнее [Heine, Kuteva 2003; Mithun 2004; Русаков 2004b]).

десятка [Sandfeld 1930; Lindstedt 2000].²⁰ Причины этому предлагают видеть не в собственно лингвистических свойствах славянских языков, а в социо-исторических особенностях контактных ситуаций.

Мы полагаем, что частный факт рецептивности славянского грамматического типа²¹ на фоне донорских балканских языков объясняется тем, что специфические славянские категории вроде одушевленности, глагольного вида,²² безличности или предикативного инструментала маркированы либо флективными, либо морфонологическими средствами, имеющими достаточно низкий, если не нулевой ранг на контактологической шкале.

Что касается контактнообусловленных изменений в грамматической структуре самих славянских языков Балкан, то очевидно, что система имени в них оказывается более проницаемой, чем система глагола, а в рамках глагольной системы модальная сфера – более проницаемой, чем видо-временная. В этой связи особый интерес представляет собой такая базовая для всех славянских языков категория, как вид. Действительно, как будто бы нет славянского языка, в котором эта категория оказалось бы разрушенной, поскольку вид, с чрезвычайной формальной сложностью и непрозрачностью его выражения и тесным переплетением грамматического и лексического в плане

---

²⁰ Речь не идет при этом о славянском влиянии на отдельные островные балканские диалекты. Так, чрезвычайно сильно славянское влияние на меглено- и истрорумынский, достаточно сильное болгарское влияние испытали албанские говоры Болгарии и Украины и т.п.

²¹ „Les Slaves furent un élément passif dans les procès d'évolution syntaxique et morphologique.. Il n'y a qu'une catégorie linguistique où toutes les langues balkaniques présentent des éléments slaves“ [Seliščev 1925: 51].

²² Интересно, что в условиях сильного языкового контакта с *доминантной* славянских языков, языки-реципиенты копируют некоторые компоненты выражения видовых значений (см. частичное калькирование славянской префиксальной системы в идиш, заимствование системы русских и других славянских префиксов рядом цыганских диалектов, заимствование славянских перфективирующих префиксов и имперфективирующих суффиксов в истрорумынском [Нарумов 2001]). Однако надо отметить, что *полностью* славянская видовая система не копируется нигде.

семантики конкретных лексем, совершенно очевидно сопротивляется интерференционному воздействию со стороны языков, в которых соответствующей категории нет (мы имеем в виду вид *славянского* типа).

Интерференционное воздействие на балканославянскую видовременную (в широком смысле) систему реализуется как бы на ее периферии, там, где она смыкается с модальной сферой (будущее, будущее в прошедшем) или со сферой эвиденциальности. Тем не менее, интересно отметить, что в болгарском и в македонском языках происходит нечто вроде наложения романской видо-временной системы на славянскую: наряду с оппозицией СВ ~ НСВ сохраняется оппозиция аорист ~ имперфект, а также имеется система аналитического перфекта. Болгарский как бы законсервировал или даже развил положение, зафиксированное в древних славянских языках (старославянском, древнерусском, старочешском), т.е. в языках, переживавших процесс становления видовых противопоставлений [Маслов 1984: 91-111]. Возникает вопрос о том, насколько этой консервации могло способствовать восточнороманское влияние?²³ Интересно, что возникшая видо-временная система оказывается достаточно нестабильной, что проявляется, в частности, в постепенном вытеснении форм аориста несовершенного вида и особенно имперфекта совершенного вида в специфические синтаксические или прагматические контексты.

---

²³ Единственный славянский язык за пределами южнославянской языковой области, сохранивший формы аориста и имперфекта, – верхнелужицкий. Но здесь формы имперфекта оказались закрепленными за глаголами НСВ, а формы аориста – за глаголами СВ (см. [Маслов 1984: 20]), в чем можно было бы увидеть влияние немецкого, с его недифференцированным в видовом плане синтетическим претеритом.

Лингвистические доминанты Балкан: редундантность

Балканское языкознание в нашем понимании не может быть исключительно синхронически ориентированным. Целью изучения балканских языков является не обнаружение некоторого набора (грамматических) признаков, которые можно объявить „группообразующими“, а установление основных констант и, возможно, даже одной единой закономерности, *доминанты* развития языков Балканского региона. Такие закономерности могут носить общий и частный характер.

Традиционное балканское языкознание вплоть до 1980-х гг. XX в. было занято поиском своего рода генетической доминанты балканского языкового развития, т.е. языка-источника т. наз. балканских лингвистических признаков (балканизмов). От теорий палеобалканского субстрата через гипотезы об определяющем романском или греческом влиянии, перебирая все возможные варианты и преодолевая сопротивление национальных „автохтонистов“, видевших источник развития даже наиболее очевидных экзотизмов своих языков в их внутреннем потенциале, балканистика эволюционировала до признания первопричиной „долговременные интимные взаимные контакты между языками Балкан“. При этом было обнаружено, что некоторые из конвергентных инноваций балканских языков имеют коммуникативно-прагматический характер и возникают, „когда носители различных языков пытаются общаться друг с другом наиболее эффективным образом“ [Friedman 1994: 86]. Поколение структуралистов обратилось к поискам внутрисистемных доминант балканских языков, выдвинув на эту роль сначала аналитизм языкового строя,²⁴ а затем амбивалентность грамматической структуры.

---

²⁴ Аналитизм, несомненно, свойственен балканским языкам, но в этом плане они не отличаются принципиально от новых индоевропейских языков вообще. В качестве важной черты балканских языков отмечалось также перенасыщенность „балканского“ текста служебными словами, в частности, клитиками [Цивьян 1979: 230, 284 и др.]. Ср. также высказывание Дж. Николс (также по поводу балканских языков):

Продолжая эту линию, мы можем предложить на роль общей константы балканской грамматики *редундантность* в маркировании грамматических значений (т.е. умножение грамматических показателей категорий при особой роли служебных слов).²⁵ Экономия (вплоть до использования лингвистического нуля) и редундантность можно рассматривать как две противоположные и соревнующиеся стратегии в кодировании сообщения в естественном языке. Основные способы кодирования грамматической информации в балканских языках, если не принимать во внимание супплетивизм, это – лексическое значение полнозначных слов (ср. термины родства, личные местоимения), порядок составляющих, интонационные контуры, морфонологические чередования (включая внутреннюю флексию), флексия, префиксация и суффиксация, а также синсемантические служебные слова. Наряду с нормальными случаями маркирования единицы грамматической информации одним механизмом (ср. аорист мак. *dojdov*), каждый балканский язык или диалект предоставляет изобилие различных сочетаний различных механизмов, а также различные стратегии декомпозиции таких сочетаний. Особенно впечатляющей выглядит балканская стратегия комбинировать синсемантические лексические единицы и флексию (ср. алб. диал. *ḱ Muhurraku* ‘житель села Мухурр’; двойное маркирование рода в алб. диал. *ḱ lam# ~ e lame* ‘мытый’ и *kali ḱ tiji // ḱ saji* ‘его/ее лошадь’; 3 л. ед.ч. аориста медиопассива в алб. диал. с *u*-частицей и особым набором флексий *u vrati* ‘убивать’; двойное маркирование бенефицианта в алб. *ḱ njeriut* ‘человеку’, в арум. *a-lei neveasti // a nevaesti-lei* ‘невест(к)е’, болг. диал. *na*

„местоименные клитики – это спонтанный ответ на языковой контакт“ [Nichols 1992: 272].

²⁵ Постулируя редундантность в качестве доминанты развития балканской грамматики, необходимо в то же время иметь в виду, что многие общезыковые стратегии выражения грамматических значений редундантны по своей сущности (например, согласование), что редундантность в принципе свойственна флективным языкам (возможно, как реакция на присущую им грамматическую „неэксPLICITность“) и что достаточно часто редундантность появляется в результате действия самых общих аналогических процессов (см., например, русск. *ихний* и т.п.).

čoveku(-tomu) ‘человеку’; инфинитив в рум. *a vorbi* ‘говорить’; компаративы типа серб. *po deblji* ‘толще’, *po bolji* ‘лучше’; по-сессивы типа мак. *tatko mi moj* ‘мой отец’ [Sobolev (in print)]. Можно полагать, что редундантность возрастает вследствие интенсивного межъязыкового контакта со слушающими, обладающими малой компетентностью, путем суммирования механизмов маркирования, дополнения „чужих“ механизмов к „своим“, а не только замещения их „своими“. В условиях одноязычия эти механизмы могут подвергаться экономизации, например за счет опущения флективных средств выражения при сохранении служебных, как в арум. *u m'esku pri nve'astā tu-ac'a o'arā* ‘в это время угощают невесту’ и мак. диал. *j'aska gu v'idu na st'efo* ‘я видел Стефо’.

Не всякий механизм может быть заимствован или калькирован, по крайней мере, не с той же степенью вероятности. Чем абстрактнее значение маркера и чем формальнее, т.е. ближе к фонологическому уровню его выражение, тем менее вероятность заимствования или калькирования. Очень маловероятно, что славянские языки введут различные артиклевые морфемы в соответствии с албанским дистрибуционным правилом (*kali* ‘лошадь’, но *zogu* ‘птица’); маловероятно, что греческий копирует морфонологические чередования в основе арумьнского глагола (1 sg. *dormu* ~ 3 sg. *doarmi* ‘спать’) или что славянские языки будут различать глагольный вид, используя греческий механизм (*έλειπε* ~ *έλειψε* ‘отсутствовать’, ср. ресинтез основы при заимствовании в мак. *lipsuvaše* ~ *lipsa*). Чем более приближается грамматический маркер к полнзначной лексике, тем больше вероятность его заимствования или замещения.

Можно полагать, что эта редундантность возникает вследствие *добавления* механизмов языка-донора к механизмам языка-реципиента (в отличие от замещения одних другими) в условиях языкового контакта, приводя к появлению исключительно перенагруженных однотипной грамматической информацией структур вроде арумьнских *l'i dzāku a-li muleari* ‘(Я) говорю (этой) женщине’ (в конкретном случае грамматическая функция „косвенный объект“ или семантическая роль „адресат“ маркирована четырежды). Можно, более того, утверждать, что подобные стратегии грамматического маркирования возникают, во-пер-

вых, при необходимости кодировать сообщение с ориентацией на слушателя, обладающего меньшей компетентностью, а вторых, в условиях отсутствия доминанции одних языков и культур²⁶ над другими, т.е., в частности, при координативном билингвизме.

Для прояснения вопроса о балканской редувантности было бы интересно установить возможную корреляцию между зонами „повышенной редувантности“ и зонами особо интенсивных языковых контактов (хотя у нас в настоящий момент отсутствует какой-либо аппарат для измерения уровня редувантности). Интересно в этой связи отметить, что грамматическая редувантность, как будто бы более свойственна тосским говорам албанского языка, чем гегским (см. стратегию финитного выражения вторичного глагольного действия, более последовательно выраженную в тосском, а также свойственную именно тосским диалектам тенденцию к сложным морфологическим коглютинам при образовании основ множественного числа имен мужского рода [ADGjSh 1 2007; Fiedler 2007]), т.е. тем говорам, которые – согласно общепринятым представлениям – более подвергались разнообразным контактным влияниям.

---

²⁶ В этом смысле показательно, например, что и народные религиозные культы на Балканах отличаются ярко выраженной синкретичностью, довольно прагматично совмещая языческие, христианские и мусульманские по происхождению и содержанию компоненты.

Литература

- АВБЯ 2003* – Актуальные вопросы балканского языкознания. Материалы международной научной конференции (С.-Петербург, май 2001 г.). Под ред. А. Н. Соболева и А. Ю. Русакова. СПб., 2003.
- Агапкина 1999* – Агапкина Т. А. Балканская проекция славянской весенне-летней обрядности // Балканские чтения –5. В поисках „балканского“ на Балканах. М., 1999. С. 78-80.
- АПБЕ 2003* – Актуални проблеми на балканското езикознание. Аспекти на изследването на общобалканската лексика. Доклади от международна научна конференция (София, 30.09-01.10.2002 г.). Съст. Асенова П. София, 2003.
- Асенова 1989/2002* – Асенова П. Балканско езикознание. Основни проблеми на балканския езиков съюз. София, 1989/2002.
- Бара и др. 2005* – Бара М., Каль Т., Соболев А. Н. Южноарумынский говор села Турья (Пинд). Синтаксис. Лексика. Этнолингвистика. Тексты. München, 2005.
- Бауэрова 1963* – Бауэрова М. Беспредложный творительный падеж в старославянском языке // Курц Й. (Ред.) Исследования по синтаксису старославянского языка. Прага, 1963. С. 287-311.
- БДА 2001* – Български диалектен атлас. Обобщаващ том. I-III. Фонетика. Акцентология. Лексика. София, 2001.
- Белл 1980* – Белл Р. Социolingвистика: Цели, методы и проблемы. М., 1980.
- Бернштейн 1958* – Бернштейн С. Б. (Ред.) Творительный падеж в славянских языках. М., 1958.
- Бернштейн 1990* – Бернштейн С. Б. Славянские языки // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 460-461.
- Вайнрайх 1953/1979* – Вайнрайх У. Языковые контакты. Киев, 1979.
- Видоески 1960-1961* – Видоески Б. Основни дијалектни групи во Македонија// Македонски јазик. Год. XI-XII. Кн. 12. Скопје, 1960-1961. С. 13-31.
- Видоески 1962-1963* – Видоески Б. Македонските дијалекти во светлината на лингвистичката географија // Македонски јазик. Год. XIII-XIV. Кн. 12. Скопје, 1962-1963. С. 87-108.
- Десницкая 1968* – Десницкая А. В. Албанский язык и его диалекты. Л., 1968.
- Десницкая 1976* – Десницкая А.В. Эволюция диалектной системы в условиях этнического смешения (из истории славяно-албанских языковых контактов)// Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976. С. 186-197.
- Дуриданов, Младенов 1989* – Дуриданов И., Младенов М. Дистрибуция на балканизмите в българските диалекти // Studia z filologii polskiej i słowiańskiej. Т. 25. Warszawa, 1989. S. 93-125.
- Единството 1984* – Единството на българския език в миналото и днес. Единството на българския език на диалектно равнище// Бояджиев Т. (Съст.) Помагало по българска диалектология. София, 1984. С. 5-19.
- Ивић 1956* – Ивић П. Дијалектологија српскохрватског језика. Нови Сад, 1956.

- Ивић 1991* – Ивић П. Значај лингвистичке географије за упоредно и историјско проучавање јужнословенских језика и њихових односа према осталим словенским језицима // Ивић П. Изабрани огледи. О словенским језицима и дијалектима. Ниш, 1991. С. 167-199.
- Ивић 1954* – Ивић М. Значења српскохрватског инструментала и њихов развој. Београд, 1954.
- Исаченко 1939-1940/1963* – Исаченко А. Опыт типологического анализа славянских языков // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963. С. 106-121.
- Конески 1965* – Конески Б. Историја на македонскиот јазик. Скопје, 1965.
- Лопашов 2006* – Лопашов Ю. А. Об одном албанизме в северногреческом говоре // Проблемы балканской филологии. Отв. ред. А. Ю. Русаков. СПб., 2006. С. 161-163.
- Маслов 1984* – Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л., 1984.
- МДАБЯ 2003-2006* – Малый диалектологический атлас балканских языков. Пробный выпуск. München, 2003; Серия лексическая. Том I. Лексика духовной культуры. München, 2005; Серия лексическая. Том II. Человек. Семья. München, 2006; Серия лексическая. Том III. Ландшафтная лексика. СПб.; München. – в подготовке; Серия лексическая. Том IV. Животноводство. СПб.; München. – в подготовке; Серия грамматическая. Том I. Категории имени существительного. München, 2005. Серия грамматическая. Том II. Категории глагола. СПб.; München. – в подготовке.
- Милорадовић 2003* – Милорадовић С. Употреба падежних облика у говору Параћинског Поморавља: балканистички и етномиграциони аспект. Београд, 2003.
- Миндак 1997* – Миндак Ј. Македонскиот јазик од славистичка и балканолошка гледна точка// Педесет години на македонската наука за јазикот. Прилози от научен собир. Скопје, 1997. С. 219-223.
- Младенов 1987* – Младенов М. Ареална характеристика на романски елементи в българските диалекти // Die slawischen Sprachen. Bd. 12. Salzburg, 1987. С. 75-92.
- Младенов 1991* – Младенов М. Ареална характеристика на гръцките заемки в българските диалекти // Език и литература. Кн. 3. София, 1991. С. 31-47.
- Младеновић 2002* – Младеновић Р. Генитив именских речи у северношарпланинским и јужнометохијским говорима – флексија и анализација // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. Књ. XLV/1-2. Нови Сад, 2002. С. 291-320.
- Нарумов 2001* – Нарумов Б. П. Истрорумынский язык/диалект // Языки мира. Романские языки. М., 2001. С. 656-670.
- Плотникова 2004* – Плотникова А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования). М., 2004.
- Пономарченко 2001* – Пономарченко К. А. Из материалов по этнолингвистической программе МДАБЯ с островов Родос и Карпатос (Южная Греция)// Исследования по славянской диалектологии. 7. Славянская диалектная лексика и лингвогеография. М., 2001. С. 182-198.

- Попов 1994* – Попов Р. Календарни празници и обичаи// Родопи. Традиционална народна култура и социалнонормативна култура. София, 1994. С. 82-117.
- Потебня 1888* – Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Харьков, 1888.
- Ракић-Милојковић 1995* – Ракић-Милојковић С. Синтаксички упитник за говоре косовско-ресавске и призренско-тимочке дијалекатске зоне// Српски дијалектолошки зборник. Књ. ХЛІ. Београд, 1995. С. 521-570.
- Русаков 2004a* – Русаков А. Ю. Албанский язык: между Востоком и Западом// IX Конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы. Доклады российских ученых. СПб., 2004. С. 259-274.
- Русаков 2004b* – Русаков А. Ю. Интерференция и переключение кодов. СПб., 2004.
- Седакова 2007* – Седакова И. А. Балканские мотивы в языке и культуре болгар. М., 2007.
- Соболев 1990* – Соболев А. Н. Заметки о падежном синтаксисе сербохорватских говоров контактных зон // Јужнословенски филолог. Књ. ХLVI. Београд, 1990. С. 13-28.
- Соболев 1991* – Соболев А. Н. Категория падежа на периферии балканославянского ареала // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. Књ. XXXIV/1. Нови Сад, 1991. С. 93-139.
- Соболев 1997* – Соболев А. Н. Заметки о парадигмах бытийных конструкций с предикатами *esse* и *habere* в балканославянском // Вестник СПбГУ. Сер. 2, 1997. Вып. 3. С. 42-52.
- Соболев 1998* – Соболев А. Н. Сербохорватский язык // Основы балканского языкознания. Языки балканского региона. Ч. 2. Славянские языки. СПб., 1998. С. 114-155.
- Соболев 2001* – Соболев А. Н. Болгарский широколыкский говор. Синтаксис. Лексика духовной культуры. Тексты. Marburg, 2001.
- Соболев 2003a* – Соболев А. Н. Южнославянские языки в балканском ареале. Marburg, 2003.
- Соболев 2003b* – Соболев А. Н. Нефинитные таксисные формы и конструкции балканских языков// Актуальные вопросы балканского языкознания. Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, май 2001 г.). СПб., 2003. С. 11-26.
- Соболев 2003-2004* – Соболев А. Н. Об одной балканской таксисной конструкции с нефинитной опорной формой// *Linguistique balkanique*. Vol. XLIII/1. Sofia, 2005. S. 69-74.
- Соболев 2004a* – Соболев А. Н. Нефинитные таксисные формы и конструкции балканских языков// Актуальные вопросы балканского языкознания. Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, май 2001 г.). СПб., 2003. С. 11-26.
- Соболев 2004b* – Соболев А. Н. Опыт исследования тюркизмов в балканских диалектах. Часть I, III// *Zeitschrift für Balkanologie*. Bd. 40/1, 2. Wiesbaden, 2004. S. 61-69, 206-229.

- Соболев 2006* – Соболев А. Н. Об общебалканской лексике духовной культуры: неподвижные праздники народного календаря // *Probleme de filologie slavă*. XIV. Timișoara, 2006. P. 165-173.
- Соболев 2007* – Соболев А. Н. Камо га је Миле? Одна сербско-македонско-арумынская синтаксическая параллель // *Зборник радова у част проф. Недељка Богдановића*. Ниш, 2007. С. 171-179.
- Соболев, in print* – Соболев А. Н. Южнославянский инструментал и его балканские эквиваленты // *Прилози МАНУ*. Скопје.
- Стойков 1963* – Стойков Ст. Основното диалектно деление на български език// *Славянска филологија*. Т. 3. Доклади, съобщения и статии по езикознание. София, 1963. С. 105-119.
- Сухачев 1990* – Сухачев Н. Л. Истрорумынский язык // *Основы балканского языкознания. Языки балканского региона*. Ч. 1. Новогреческий, албанские, романские языки. Л., 1990. С. 231-247.
- Тополињска 1996* – Тополињска З. Студии од македонско-бугарската јазична конфронтација. Скопје, 1996.
- Тополињска 2001* – Тополињска З. Рецензија на [Български диалектен атлас. Обобщаващ том. София, 2001] // *МАНУ. Одделение за лингвистика и литературна наука*. Књ. XXVI/1-2. Скопје, 2001. С. 67-73.
- Тополињска 1995-1997* – Тополињска З. Македонските дијалекти во Егејска Македонија. Кн. 1. Синтакса. Том 1. Скопје, 1995; Том 2. Скопје, 1997.
- Ускова 1996* – Ускова Р. П. Кон контрастивното изучување на балканско-словенските јазици: македонски и бугарски // *Јазиците на почвата на Македонија. Прилози за истражувањето на историјата на културата на почвата на Македонија*. Књ. 3. Скопје, 1996. С. 53-65.
- Ускова 2003* – Ускова Р. П. Грамматика македонского литературного языка. М., 2003.
- Фридман 1996* – Фридман В. Диференцијација на македонскиот и бугарскиот јазик во балканскиот контекст // *Јазиците на почвата на Македонија. Прилози за истражувањето на историјата на културата на почвата на Македонија*. Књ. 3. Скопје, 1996. С. 75-82.
- Фридман 1997* – Фридман В. Значењето на македонскиот јазик за балканистичката лингвистика и неговата афирмација на меѓународно ниво// *Педесет години на македонската наука за јазикот. Прилози от научен сбор*. Скопје, 1997. С. 209-217.
- Ходова 1960* – Ходова К. И. Значения творительного беспредложного в старославянском языке // *Ученые записки Института славяноведения*. Т. 19. М., 1960. С. 101-158.
- Цивьян 1965* – Цивьян Т. В. Имя существительное в балканских языках. М., 1965.
- Цивьян 1979* – Цивьян, Т. В. Синтаксическая структура балканского языкового союза. М., 1979.
- Цыхун 1981* – Цыхун Г. А. Типологические проблемы балканославянского языкового ареала. Минск, 1981.

- Черняк 1998* – Черняк А. Б., Соболев А. Н. Болгарский язык // Основы балканского языкознания. Языки балканского региона. Ч. 2. Славянские языки. СПб., 1998. С.189-206.
- Юллы, Соболев 2002* – Юллы Дж., Соболев А. Н. Албанский тоский говор села Лешня (Краина Скрапар). Синтаксис. Лексика. Этнолингвистика. Тексты. Marburg, 2002.
- Юллы, Соболев 2003* – Юллы Дж., Соболев А. Н. Албанский гегский говор села Мухурр (Краина Дибыр). Синтаксис. Лексика. Этнолингвистика. Тексты. München, 2003.
- ADGjSh 1 2007* – Atlasi dialektologjik i gjuhës shqipe. Vol. I. Napoli, 2007.
- Balić 1973* – Balić S. Kultura Bošnjaka. Wien, 1973.
- Belyavski-Frank 2003* – Belyavski-Frank M. The Balkan Conditional in South Slavic. A Semantic and Syntactic Study. München, 2003.
- Birnbaum 1965* – Birnbaum H. Balkanslavisch und Südslavisch // Zeitschrift für Balkanologie. Jg. III. Wiesbaden, 1965. S. 12-63.
- Buchholz, Fiedler 1987* – Buchholz O., Fiedler W. Albanische Grammatik. Leipzig, 1987.
- Budziszewska 1991* – Budziszewska W. Zapożyczenia słowiańskie w dialektach nowogreckich. Warszawa, 1991.
- Croft 2000* – Croft W. Explaining Language Change. London, 2000.
- Distribution 1966* – Koneski B., Vidoeski B., Jašar-Nasteva O. Distribution des balkanisms en Macédonien // Actes du premier congrès international des études balkaniques et sud-est européennes. Vol. 6. Linguistique. Sofia, 1966. P. 517-546.
- DTN 2000* – Stellmacher D. (Hg.) Dialektologie zwischen Tradition und Neuanfängen. Beiträge der Internationalen Dialektologentagung, Göttingen, 19.-21. Oktober 1998. Stuttgart, 2000.
- Fiedler 2007* – Fiedler W. Die Pluralbildung im Albanischen. Prishtinë, 2007.
- Friedman 1994* – Friedman V. Variation and grammaticalization in the development of Balkanisms // Beals K. et al. (Eds.) Papers from the 30th Regional Meeting of the CLS, Vol. 2. Chicago: CLS, 2000. P. 101-115.
- Gołąb 1964* – Gołąb Zb. Condicionalis typu bałkańskiego w językach południowosłowiańskich ze szczególnym uwzględnieniem macedońskiego. Wrocław etc., 1964.
- Harris, Campbell 1995* – Harris A. C., Campbell L. Historical Syntax in Cross-Linguistic Perspective. Cambridge, 1995.
- Haspelmath 2001* – Haspelmath M. The European linguistic Area: Standard Average European // Haspelmath M. et al. (Eds.) Language Typology and Language Universals. B.2. Berlin; New York, 2001. P. 1492-1510.
- HDZb 2003* – Hrvatski dijalektološki zbornik. HAZU. Razred za filološke znanosti. Knj. 12. Zagreb, 2003.
- Heine, Kuteva 2003* – Heine B., Kuteva T. On contact-induced grammaticalization// Studies in Language. Vol. 27/ 3. P. 529-572.

- Jakobson 1931/1962* – Jakobson R. К характеристике евразийского языкового союза // Jakobson R. Selected Writings. I. Phonological Studies. s'-Gravenhague, 1962.
- Koptjevskaja-Tamm 2003* – Koptjevskaja-Tamm M. Possessive noun phrases in the languages of Europe // F. Plank (Ed.). Noun Phrase Structure in the Languages of Europe. Berlin, 2003.
- Koptjevskaja-Tamm, Wälchli 2001* – Koptjevskaja-Tamm M., Wälchli B. The Circum-Baltic languages. An areal-typological approach // Dahl Ö., Koptjevskaja-Tamm M. (Eds.) Circum-Baltic languages. Vol. 2. Amsterdam; Philadelphia, 2001. P. 615-750.
- Kortmann 2003* – Kortmann B. Comparative English Dialect Grammar: A Typological Approach // Palacios I. M. et al. (Eds.) Fifty ears of English Studies in Spain. Santiago di Compostela, 2004. P. 65-83.
- Kortmann 2004* – Kortmann B. (Ed.) Dialectology meets Typology. Dialect Grammar from a Cross-Linguistic Perspective. 2004.
- Kuzmenko 2003* – Kuzmenko Ju. K. Die Quellen der Artikelsuffigierung in den Balkansprachen // Актуальные вопросы балканского языкознания. Материалы международной научной конференции. СПб., 2003. С. 133-157.
- Leluda-Voss 2006* – Leluda-Voss Chr. Die südgriechische Mundart von Kastelli (Peloponnes). Morphosyntax und Syntax. Lexik. Ethnolinguistik. Texte. München, 2006.
- Lindstedt 2000* – Lindstedt J. Linguistic Balkanization: contact-induced change by mutual reinforcement // D.G. Gilbers et al. (Eds.) Languages in Contact (Studies in Slavic and General Linguistics, vol. 28). Amsterdam; Atlanta, 2000. P. 231-246.
- Malchukov 2005* – Malchukov A. Case Pattern Splits, Verb Types and Construction Competition // Competition and Variation in Natural Languages. The Case for Case. Ed. by M. Amberber and H. de Hoop. Amsterdam; Boston, etc., 2005. P. 73-117.
- Matras 1998* – Matras Ya. Utterance modifiers and universals of grammatical borrowing // Linguistics. Vol. 36, No. 2. 1998. P. 281-331.
- Matras 2001* – Matras Ya. Romani. A Linguistic Introduction. Manchester, 2001.
- McCarthy 1995* – McCarthy J. Death and Exile. The Ethnic Cleansing of Ottoman Muslims 1821-1922. Princeton, 1995.
- Miloradović, Greenberg 2001* – Miloradović S., Greenberg R. The Transition from South Slavic to Balkan Slavic: Key Morphological Features in Serbian Transitional Dialects // Of All the Slavs my Favorites. In Honor of Howard I. Aronson. Edited by V. A. Friedman, D. L. Dyer. Indiana Slavic Studies. Vol. 12 (2001). P. 311-322.
- Mithun 2004* – Mithun M. The potential instability of grammatical relations // International Symposium „The Typology of Argument Structure and Grammatical Relations“. Kazan, 2004. P. 20-21.
- Mladenov, Steinke 1978* – Mladenov M., Steinke K. Die Ergebnisse der neueren bulgarischen Dialektforschung im Lichte der Balkanologie // Zeitschrift für Balkanologie. Bd. XIV. Wiesbaden, 1978. S. 68-82.
- Nichols 1992* – Nichols J. Linguistic diversity in Space and Time. Chicago, 1992.

- Norris 1993* – Norris N. T. Islam in the Balkans. Religion and Society between Europe and the Arab World. Columbia, 1993.
- Roelcke 2003* – Roelcke Th. (Hg.) Variationstypologie. Ein sprachtypologisches Handbuch der europäischen Sprachen. Berlin; New York, 2003.
- Sandfeld 1930* – Sandfeld K. Linguistique balkanique. Problèmes et résultats. Paris, 1930.
- Sawicka 2001* – Sawicka I. An outline of the phonetic typology of the Slavic languages. Toruń, 2001.
- Seliščev 1925* – Seliščev A. M. Des traits linguistiques communs aux langues balkaniques: Un balkanisme ancien en bulgare // Revue des Études slaves. Tome V, fasc. 1-2. Paris, 1925. P. 38-56.
- Sobolev 1998* – Sobolev A. N. Sprachatlas Ostserbiens und Westbulgariens. Bd. 1. Problemstellung, Materialien und Kommentare, Kartenanalyse. Bd. 2. Karten. Bd. 3. Texte. Marburg, 1998.
- Sobolev 1999* – Sobolev A. N. Probleme der Balkansyntax aus der dialektologischen Sicht // Zeitschrift für Balkanologie. Bd. 35, Heft 2. Wiesbaden, 1999. S. 195-213.
- Sobolev 2004* – Sobolev A. N. On the areal distribution of syntactical properties in the languages of the Balkans // Balkan Syntax and Semantics. Ed. by O. Mišeska-Tomić. Leiden, 2004. P. 59-100.
- Sobolev 2004* – Sobolev A. N. Analytische Tendenzen in den balkanslavischen Dialekten vor dem allgemeinbalkanischen Hintergrund // Hinrichs U. (Hg.) Die europäischen Sprachen auf dem Wege zum analytischen Sprachtyp. Wiesbaden, 2004. S. 243-262.
- Sobolev 2006* – Sobolev A. N. On some Aromanian Grammatical Patterns in the Balkan Slavonic Dialects // Roman Balkans. Sitzung der Kommission für Balkanlinguistik. Beograd. – *in print*.
- Soboleva 2007* – Soboleva M. E. Russische Philosophie im Kontext der Interkulturalität. Nordhausen, 2007.
- Stadnik 2002* – Stadnik E. Die Palatalisierung in den Sprachen Europas und Asiens. Eine areal-typologische Untersuchung. Tübingen, 2002.
- Stojkov 1968* – Stojkov St. Nominale Kasusformen in der bulgarischen Sprache// Die Welt der Slaven. Jhg. XIII. Wiesbaden, 1968. S. 28-46.
- Thomason 2000* – Thomason S. Linguistic areas and language history // Gilbers D. et al. (Eds.) Languages in contact. Amsterdam; Atlanta, 2000. P. 311-328.
- Thomason 2001* – Thomason S. Language Contact. An Introduction. Edinburgh, 2001.
- Thomason, Kaufman 1988* – Thomason S. G., Kaufman T. Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics. Berkeley, 1988.
- Viereck 1993* – Viereck W. (Hg.) Historische Dialektologie und Sprachwandel. Sprachatlanten und Wörterbücher. Verhandlungen des Internationalen Dialektologenkongresses, Bamberg 29.7-4.8.1990. Stuttgart, 1993.
- WALS 2005* – Haspelmath M. et al. (Eds.) The World Atlas of language Structures. Oxford; New York, 2005.
- Ylli 1997* – Ylli Xh. Das slavische Lehnwort im Albanischen. 1. Teil. Lehnwörter. München, 1999.